

Научная статья / Research Article

УДК 783

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-569-598>

<https://elibrary.ru/HXMYPR>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Г.А. Пожидаева
ЧЕРТЫ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЯ
В ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ РУСИ XIV–XVI вв.

Аннотация: В статье впервые на материале церковно-певческого искусства рассматривается период конца XIV — XVI вв. как переходный период от раннего русского Средневековья к Новому времени. В смежных областях знания — литературоведении, искусствоведении и культурологии — он связывается с проблемой Предвозрождения. Период подъема национальной культуры после Куликовской битвы аналогичен Палеологовскому ренессансу. В церковном пении их подобие обнаруживается, в частности, в тенденции мелодизации. В русских распевах в соответствии с новыми текстами согласно Иерусалимскому уставу распевщики добиваются органичного слияния текста и напева. В период «второго южнославянского влияния» на Руси появляются богослужебные певческие книги в болгарской редакции канонических текстов. Однако в области певческой говорить о влиянии южных славян не приходится: опережающее развитие музыкальной письменности в нашем Отечестве в сравнении с Болгарией и Сербией это доказывает. Стиль «плетения словес» в пении косвенно отобразился в масштабности композиций и обновлении музыкального языка. Мистическая философия исихазма, восходящая к монашеской аскетической практике Палестины, сказалась на внутренней сосредоточенности и духовной наполненности певческой молитвы. Обращение к «своей Античности», свойственное европейскому Возрождению, проявилось в явной преемственности традиций домонгольской Руси. Стиль же «второго монументализма» очевиден в объемном Стихираре минейном «Дьячье око» и новых пространственных распевах — путевом, демественном и большом. Таким образом, повторяя некоторые европейские черты, русское Предвозрождение создало прочный духовный фундамент для дальнейшего развития русского искусства, которое даже в период своего «золотого века» зиждилось на этом основании, отличным именно своей глубокой духовной сущностью.

Ключевые слова: Русское Предвозрождение, мелодизация церковного пения, гармония текста и напева, «второе южнославянское влияние», исихазм, архаизация, фольклорные элементы.

Galina A. Pozhidaeva
FEATURES OF THE PRE-RENAISSANCE
IN THE CHURCH SINGING ART OF OLD RUSSIA
OF THE 14TH–16TH CENTURIES

Abstract: The article examines for the first time the period of the late 14th — 16th centuries using the material of church singing art, as a transition period from the early Russian Middle Ages to the New Age. In related fields of knowledge — literary criticism, art criticism and cultural studies — it is associated with the problem of the Pre-Renaissance. The period of rise of national culture after the Battle of Kulikovo is similar to the Paleologian Renaissance. In church singing, their similarity is revealed, in particular, in the tendency of melodization. In Russian chants, in accordance with the new texts according to the Jerusalem Charter, singers achieve an organic fusion of text and melody. During the period of the “second South Slavic influence” in Rus’, liturgical songbooks appeared in the Bulgarian edition of canonical texts. However, in the field of singing there is no need to talk about the influence of the southern Slavs: the rapid development of musical writing in our Fatherland in comparison with Bulgaria and Serbia proves this. The style of “weaving words” in singing was indirectly reflected in the scale of the compositions and the renewal of the musical language. The mystical philosophy of hesychasm, dating back to the monastic ascetic practice of Palestine, affected the internal concentration and fullness of chanted prayer. The appeal to “one’s own Antiquity,” characteristic of the European Renaissance, manifested itself in the clear continuity of the traditions of pre-Mongol Rus’. The style of the “second monumentalism” is obvious in the voluminous Stichirarion of the menaion “Slave’s Eye” and the new lengthy chants — *putevoy*, *demestvenny* and *bolshoy*. Thus repeating some European features, the Russian Pre-Renaissance created a solid spiritual foundation for the further development of Russian art, which even during its “golden age” was based on this foundation, distinguished precisely by its deep spiritual essence.

Keywords: Russian Pre-Renaissance, melodization of church singing, harmony of text and melody, “second South Slavic influence,” hesychasm, archaization, folklore elements.

Русское церковное пение на протяжении своей средневековой истории переживало разные этапы своего развития. Поздний период Московской Руси (XV–XVII вв.) лучше изучен благодаря более доступным материалам. Однако его функция в музыкальном искусстве как переходного периода от раннего Средневековья к Новому времени исследована мало. Вместе с тем в смежных областях знания — культуроло-

гии, литературоведении, искусствоведении — эта проблема поднята и изучается как проблема Предвозрождения в русском искусстве.

В музыкальной медиевистике проблема Предвозрождения еще не поднималась, как очень сложная для осмысления. В истории литературы она была поставлена Д.С. Лихачевым в больших статьях: «Предвозрождение на Руси в конце XIV — первой половине XV века» [14] и «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» [13].

Позднее он посвящает этой проблеме целую главу своей монографии «Развитие русской литературы X–XVII веков» [15]. Многие положения, высказанные ученым, находят свои параллели в развитии церковно-певческого искусства, но при этом оно, естественно, обладает своими отличиями и спецификой.

Проблема Предвозрождения в русском искусстве была затронута и другими исследователями. Термин «Предвозрождение» по отношению к культуре Руси принимался не всеми. Важным аргументом было то, что за ним не последовало Возрождение, поскольку на Руси были сильны очень строгие морально-этические нормы православия, они не позволяли принять основу европейского Возрождения — *гуманизм*, ставящий во главу угла не божество, а человека.

Тем не менее культурно-исторический процесс на Руси был очень своеобразным в XIV–XVI вв., он включал многие элементы, которые получили развитие в западноевропейском Возрождении. Это давало повод называть указанный период культуры Восточной Европы «православно-славянским Возрождением» (Р. Пиккио, [18]). Г.М. Прохоров называл его более широко — Православным Возрождением, поскольку оно охватывало не только славянские народы, но и греков, румын, поэтому термин Прохорова более емкий и точный [24, с. 9]. По отношению же к русской культуре «церковное православное возрождение XIV–XV вв. можно считать Предвозрождением на Руси» [24, с. 9]. Проблему Предвозрождения в искусстве Руси затрагивали также И. Мейендорф [16], Г.И. Вздорнов [1] и др.

В любом случае, независимо от терминологии, новые тенденции при переходе от Средневековья к Новому времени, сказывались в разных областях культуры, в том числе и в церковно-певческом искусстве. Возможно провести ряд параллелей в развитии византийской и русской культуры той эпохи.

Первая параллель закономерно может быть проведена с «Палеологовским ренессансом» [31, с. 61–65], который в византийском искусстве определяется временем правления династии Палеологов (1261–1453). После освобождения большей части империи от крестоносцев в XIII в. Византия переживала период подъема своей культуры, ее возрождения в новых исторических условиях. Для музыкального искусства уже XIV в. стал временем развития духовной музыки, когда жили и творили талантливые мелурги Иоанн Кукузель (ок. 1280 – до 1341), Ксен Коронис (конец XIII – середина XIV), Иоанн Глика (середина XIII – ок. 1320) [3, с. 149–153; 35; 36; 38] и др.

Русь переживает подобный период, но позднее — после Куликовской битвы (1380). Общественно-исторические условия того периода в определенном смысле подобны периоду Палеологовского ренессанса. В истории русской культуры XV в. уже можно рассматривать как поворотное столетие в истории церковно-певческой культуры: принят новый Иерусалимский устав [29, с. 269], который многое изменил в богослужении, вводя новые службы (важнейшей из которых стало всенощное бдение) и множество новых текстов. Эти тексты попали на Русь с Балкан: в конце XIV в. Болгария и Сербия оказались под османским игом, что обусловило миграцию славян на Русь. Исторические события сложились так, что богослужебную книжность в соответствии с новым Типиконом принесли на Русь южные славяне. «Иерусалимский устав вместе с корпусом богослужебных книг в южнославянских переводах был принесен на Русь и в XV в. в течение короткого времени стал доминирующим в богослужении» [32, с. 2].

Согласно новому уставу богослужение становилось более музыкальным, поскольку теперь большое количество текстов уже не читали, а пели. Среди этих текстов были такие песнопения всенощной, как предначинательный псалом «Благослови, душе моя, Господа», псалом «Блажен муж», гимн «Свете тихий», на литургии — херувимская песнь «Иже херувимы» и др. Благодаря подобным нововведениям возникли новые музыкальные редакции, в том числе редакции пространного пения.

Как в Византии XIV в. мелурги сочиняют множество новых напевов гораздо более мелодичных и распевных, создают новые мелодизированные редакции многих песнопений годового круга, так и на Руси уже в XV в. создается новая, младшая редакция знаменного распева, которая так же, как и новые редакции в Византии, была более мело-

дизированной и распевной в сравнении со старшей. Младшая редакция знаменного распева для годового певческого круга сохранится на Руси до конца XVII в. Приведем примеры старшей и младшей редакций знаменного распева (см. *примеры 1 и 2*)¹.

Не позднее конца XV в. возникают новые пространные распевы — путевой, демественный, большой². Демественный распев приходит на смену кондакарному пению — пению для кафедрального богослужения. Путевой распев — монастырский распев на основе знаменного пения, но более напевный и замедленный по ритмическому движению. Большой распев представляет собой пространную редакцию знаменного распева — на основе лицевого, а затем и фитного пения (см. *примеры 3а, 3б, 3в*).

«Небесным чином»
Глас 1-й

Пример 1 — «Небесным чином». Богородичен знаменного распева старшей редакции. РГБ. Собр. Разумовского. Ф. 379. № 19. Л. 74.

Последняя четверть XVII в.

Example 1 — “Heavenly rank.” Theotokos of the znamenny chant, senior edition. RSL, Razumovsky collection, f. 379, no. 19, l. 74. The last quarter of the 17th century

¹ Примеры здесь и далее даны в расшифровке автора с использованием труда В. Металлова [34] и др.

² Новые пространные распевы — термин автора [22, с. 149, 264; 19, с. 142; 21, с. 150].

Стихира "Приидите, убожм Иосифа"
Глас 5-й

При - н - ди - те, азъ - вѣ - стъ - ю И - ш - е - сѣ - фа

при - сно - па - мѣ - тѣ - го, н - же вѣ - сти къ П - ла -

чу при - ше - дѣ - го н - же вѣ - сти къ П - ла -

сп - ша - го: да - вѣ - сти къ П - ла -

го - ста - ша - го, н - же вѣ - сти къ П - ла -

Пример 2 — «Приидите, убожм Иосифа». Стихира знаменного распева младшей редакции. РГБ. Собр. Разумовского. Ф. 379. № 18. Л. 138 об.

Последняя четверть XVII в.

Example 2 — “Come, let us please Joseph.” Stichera of the znamenny chant, junior edition. RSL, Razumovsky collection, f. 379, no. 18, l. 138 rev. The last quarter of the 17th century

Новые пространные распевы можно сопоставить с византийским калофоническим пением³, «расцвет которого приходится на два последних столетия истории Византийской империи (1261–1453)» [30, с. 578] — см. *пример 4*. Эти параллели пространного пения Византии и Руси с отрывом в два столетия несут в себе черты Предвозрождения. Почему такая трактовка возможна?

«Как известно, Возрождение “открыло человека”... Полное открытие человека было связано с секуляризацией культуры. <...> Предвозрождение же только предвосхитило открытие человека, и прежде всего — в области его эмоциональной жизни. <...> Стилеформирующая особенность Предвозрождения — появление повышенной эмоциональности в искусстве, иррационализм, экспрессивность, динамизм, мистический индивидуализм» [15, с. 77].

В певческом искусстве Руси XV в. невозможно говорить о секуляризации, оно предназначалось для богослужения и было строго

³ Сопоставление византийской калофонии и новых пространных распевов см. в работе автора: [19, с. 145–146].

Пример 3а — «Чюже матерем девство». Задостойник Рождества Богородцы демественного распева (фрагмент). ГИМ, Синодальное певческое собр. № 195.

Л. 295 об. Конец XVII в.

Example 3a — “Virginity is foreign to mothers.” *Zadostoynik of the Nativity of the Mother of God of the demestvenny chant* (fragment). State Historical Museum, Synodal singing collection, 195, l. 295 rev. The end of the 17th century

Пример 3б — «Чюже матерем девство». Задостойник Рождества Богородцы путевого распева (фрагмент). РГБ. Собр. Разумовского. Ф. 379. № 18. Л. 92 об.

Последняя четверть XVII в.

Example 3b — “Virginity is foreign to mothers.” *Zadostoynik of the Nativity Theotokos of the putevoy chant* (fragment). RSL, Razumovsky collection, f. 379, no. 18, l. 92 rev. The last quarter of the 17th century

Пример 3в — «В Черном мори». Догматик 5-го гласа большого распева.

Напев Федора Крестьянина (фрагмент). РГБ. Собр. Разумовского.

Ф. 379. № 4. Л. 108 и об. Последняя четверть XVII в.

Example 3c — “In the Black Sea.” Dogmatist of the 5th tone of the *bolshoy* chant. The tune of Fyodor Krestjanin (fragment). RSL, Razumovsky collection, f. 379, no. 4, l. 108 and rev. The last quarter of the 17th century

духовным искусством. Однако о проявлении большей эмоциональности и динамичности говорить можно и должно, ибо эти качества проявляются и в новом знаменном распеве, и в новых пространных распевах уже к концу XV в., и в дальнейшем эти качества будут развиваться. Но общие черты с византийским пением здесь очевидны: они отчетливо проявляются в мелодизации годового певческого круга, в развитии пространного пения. Повышенная эмоциональность как важнейшее качество искусства Предвозрождения, несомненно, ощущается в новой редакции знаменного распева. Его мелодичность и напевность этому способствуют в большой степени. Ритмическая организация напева изменилась: ритм стал более подвижным, более активным и динамичным.

Принципиально важным в новой редакции знаменного распева было органичное соединение напева и текста, создававшее поразительную гармонию, отличающую эту редакцию от старшей.

Такая гармония была обусловлена блестящим освоением композиционной техники распева. Но она была бы невозможна без такого же блестящего освоения *смысла* духовной поэзии. Подобный рост духовной культуры впоследствии приведет к рождению «Святой

Пример 4 — Калофоническая стихира монаха Германа (конец XIII в.), фрагмент по рукописи монастыря св. Екатерины на Синае. Gr. 1251. Л. 17 об., XV в.

Example 4 — Calophonic stichera of the monk Herman (late 13th century), fragment from a manuscript of the monastery of St. Catherine in Sinai, gr. 1251, l. 17 rev. 15th century

Руси». Сейчас же, при создании новой редакции знаменного распева, глубокое понимание распевщиками канонов литургической поэзии, ее соприкосновения в своем построении с искусством проповеди⁴, зрелость духовного воспитания и духовной культуры распевщиков сыграли свою важную роль. И здесь имеет значение не только более свободное владение чисто музыкальной техникой, но и соединение этой техники с законами гимнографии и пониманием ее догматического и художественного содержания. Только такой синтез поэтического и музыкального начал мог привести к качественному скачку на новом уровне. Безусловно, этому способствовали и более совершенные переводы гимнографии. Но думаю, что тайна этой удивительной гармонии текста и напева кроется в том, что распевщики,

⁴ Об этом писал Е.М. Левашёв [12, с. 102–108].

блестяще освоив музыкальную технику распева, поднялись до *вершин духовной поэзии*.

Само принятие нового Иерусалимского устава было показателем возобновившихся контактов Руси и Византии, контактов, во многом прерванных татарским нашествием. После Куликовской битвы начинается подъем национальной культуры и, как следствие, усиление русско-византийских связей и связей с южнославянскими странами — Болгарией и Сербией. Эти связи получили название «второго южнославянского влияния» [14]. «Распространение на Руси богослужебных книг в болгарской редакции XIV в. дает основание называть 2-ю пол. XIV — нач. XV в. периодом второго южнославянского влияния» [32, с. 2].

Это основание, безусловно, имеет большое значение для литургической культуры. Вместе с тем Д.С. Лихачев подчеркивает, что «термин “влияние” весьма условен, так как влияние это распространяется в обе стороны: на Русь и из Руси на балканские страны, <...> правильнее было бы говорить об *общем движении Предвозрождения на Юго-Востоке и Востоке Европы*» [15, с. 79–80] (курсив мой. — Г.П.).

Изучение автором так называемого «второго южнославянского влияния» в области церковно-певческого искусства Руси прояснило, что наше культурное общение проходило в различных сферах: философии, литературе (агиографии и гимнографии), изобразительном искусстве (фресковой росписи и иконописи). В то же время наши контакты в певческом искусстве осуществлялись в области литургики при переходе на новый Иерусалимский устав, а также в связи с этим, несомненно, были контакты в области гимнографии, поскольку в богослужение было введено огромное количество новых текстов (свыше 60 000). Новая гимнография пришла к нам в славянских переводах, но при этом *напевы* сочинялись *русскими распевщиками*. В развитии музыкальной письменности Русь опережала южнославянские страны, Болгарию и Сербию, поэтому говорить об их собственно музыкальном влиянии не приходится [23, с. 198].

Событием государственной важности для Руси стало присоединение Иваном III Великого Новгорода к Московскому княжеству, которое произошло в 1478 г. Логично предположить, что после воссоединения русских земель культурный обмен между Москвой и Великим Новгородом усилился, и певческого искусства это не могло не

коснуться. Новгородские певчие, культура которых в то время была намного выше московских, безусловно, сыграли свою значимую роль в создании новой, младшей редакции знаменного распева. Это было важно, поскольку в Москве своих сил было явно недостаточно. Новая редакция знаменного распева создавалась на протяжении XV в. и к концу столетия была записана в певческих книгах, дав начало устойчивой письменной традиции. Смену редакций знаменного распева наглядно показал В. Металлов в палеографическом атласе «Русская семиография» [17]. Младшая редакция обладает большим своеобразием музыкального языка, сохраняется до конца XVII в. Подтверждением самобытности служит автономность ее музыкального стиля в сравнении с балканскими распевками — греческим и болгарским, — пришедшими на Русь во второй половине XVII в.

Творческую активность русских распевщиков доказывает служба болгарскому святому Георгию Новому, сожженному турками на площади Средецкого града (средневековое название Софии) за отказ принять ислам (1515). Первоначально житие и служба мученику были написаны болгарским книжником Пейо, который был духовным наставником юноши Георгия [8, с. 20–21]. Позднее, в третьей четверти XVI в., уже на Руси, в связи с канонизацией св. Георгия на соборе 1549 г., были написаны Повесть о Георгии Новом, житие и служба. Автором повести стал псковский монах и священник Илья, автором жития и службы — известный агиограф новгородско-псковской епархии Василий – Варлаам. Песнопения, как установил И.И. Калиганов, распели в Москве, в конце 50-х — начале 60-х гг. XVI в. Русские службы южнославянским святым оказались более полными в сравнении с южнославянскими. Песнопения в них изложены в русской традиции знаменного распева, причем они нотированы, чего нет ни в болгарских, ни в сербских списках. Показательно, что песнопения Георгию Новому сохранились у старообрядцев, подтверждая их отечественное происхождение [8, с. 535–552].

То есть мы видим, что движение Предвозрождения на Руси в области церковно-певческого искусства проявлялось в гимнографии только на уровне филологическом (на уровне литературного языка), но не музыкальном. Общие тенденции в развитии литературного языка, которые проявились в Тырновской школе Болгарии, — в изменении орфографии и возникновении стиля «плетения словес», конечно же,

сказались и на Руси, — в гимнографии, звучащей на богослужении, в агиографии, там же читаемой, — но все это касалось именно литературных текстов.

Косвенное влияние нового стиля «плетения словес», полагаю, ощущалось в новых пространственных распевах: в их масштабности, укрупнении структур — музыкальных и музыкально-речевых, укрупнении композиций, наконец, в обновлении и обогащении музыкального языка — подобно его обновлению и обогащению в языке литературном.

Как известно, тырновская реформа патриарха Евфимия (XIV в.) идеологически во многом основывалась на философии *исихазма* (исихия — *греч.*: безмолвие, молчание), а споры исихастов Григория Паламы и Григория Синаита разгорались в Византии именно в XIV в. [4; 16]. Теория исихазма была осмыслена в трудах выдающегося богослова Григория Паламы. Практика же этого направления мистической философии могла возникнуть на основе монашеской аскетической практики Палестины.

«Умная молитва» исихастов была основана на сосредоточенной и самоуглубленной молитве палестинских монахов-аскетов, уходя своими корнями в их молитву. Это отражается в древнерусской литературе, но крайне редко, об этом пишет В.М. Кириллин [11]. Он приводит как пример единственное литературное произведение «Слово похвально на святых Покров пречистой Богородицы и Приснодевы Мариа».

Только в этом произведении есть конкретные стилистические примеры о том, как блаженный Андрей во Влахернском храме, при созерцании явления Богородицы испытывал воздействие «умной молитвы»: «весь тамошнимъ светомъ осияемъ», «весь применяемъ мыслене будущею светлостію», «весь сладости небесныя исполняемъ» [11, с. 130–131]. В статье В.М. Кириллина сделан важный вывод о том, что на Руси исихазм был освоен в монашеской практике, как развитие аскетической практики палестинских монахов.

Трудно напрямую связывать религиозно-мистическое направление исихазма (безмолвия) со звуковым — музыкальным — искусством. Тем не менее, вероятно, исполнительские традиции хорового пения XIV в. имеют свои связи с этим направлением.

Течение исихазма ставило «внутреннее над внешним, “безмолвие” над обрядом» [15, с. 94], и в этом смысле исихазм, конечно

же, оказал влияние на церковное пение, акцентируя внимание на *внутреннем духовном наполнении* молитвы, в том числе и молитвы певческой.

XIV в. для Руси — век преп. Сергия Радонежского, благодаря которому практика «умной молитвы» (молитвы исихастов) вошла в русскую монастырскую практику. После молитвы такого рода певческая молитва должна была сохранять то же сосредоточенное внутреннее состояние. Церковное пение как молитва, несущая благоговейные чувства, молитва богобоязненная и в то же время благодатная, — эти свойства церковного пения, заложенные самим преп. Сергием Радонежским, и по сей день остаются едва ли не главными показателями высокого исполнительского уровня церковных хоров. Несомненно, важна и музыкальная составляющая — чистое интонирование, ансамбль, дикция, звукообразование и звуковедение и пр., — но духовность этой музыкальной молитвы восходит к традиции преп. Сергия Радонежского, а еще глубже — к палестинской монашеской аскетике.

В житии преп. Сергия указано, что преподобный «божественныя сладости безмолвия вкусив» [33, с. 57]. Вспомним эпизод, который есть в житии преподобного и даже в миниатюре его лицевого списка (ок. 1592 г.): на литургии ангел сослужил преп. Сергию! (См. *пример 5*.) И как же должно звучать пение монахов, которые созерцали ангела во время божественной службы?! Можно только предположить, что в пении проявлялось мистическое ощущение, звучала повышенная эмоциональность, самоуглубленность и благоговение в высшей степени, которые приводят к снисканию благодати Божией. Думаю, что такое пение можно трактовать как косвенное проявление практики «умной молитвы». Сложившаяся в монастыре преп. Сергия традиция фактически отражает мистические тенденции Предвозрождения.

Они достаточно известны в изобразительном искусстве: таковы светносные блики в иконах и фресках Феофана Грека, воссоздающие божественный фаворский свет, исходящий от аскетичной плоти святых (*пример 6*). Это обожженная плоть в образах преп. Андрея Рублёва, напоминающая нам о том, что мы созданы по подобию Божию (*пример 7*) [4]. Творчество Рублёва, христоцентричное по своей сути, отображает божественную и человеческую природу

Пример 5 — Видение ангела, сослужащего преп. Сергию. Миниатюра из лицевого Жития преп. Сергия Радонежского. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.III. № 21 (М. 8663). Л. 235 об. Около 1592 г.

Example 5 — Vision of an angel concelebrating with St. Sergius. Miniature from the hagiography of St. Sergius of Radonezh. RSL, collection Trinity-Sergius Lavra, f. 304.III, No. 21 (M. 8663), l. 235 rev. About 1592

Пример 6 — Феофан Грек. Спас Вседержитель. Роспись купола церкви Спаса на Ильине улице в Великом Новгороде. 1378 г.
Example 6 — Theophanes the Greek. Savior Almighty. Painting of the dome of Church of the Transfiguration on Ilyina Street in Novgorod the Great. 1378

Пример 7 — Андрей Рублёв. Богоматерь Владимирская Умиление.

Около 1408 г.

Example 7 — Andrey Rublev. Our Lady of Vladimir Tenderness.

About 1408

Иисуса Христа, именно в этом гармоничность его творчества. Здесь же возникает определенная параллель с европейским Возрождением, в котором человек стал мерой всех вещей, а гуманизм стал воспеванием человеческой природы. Но ее божественную сущность в гармоничном слиянии духовного и телесного подчеркивает именно преп. Андрей Рублёв.

Когда мы говорим о Возрождении, то для нас европейское Возрождение связано с обращением к Античности. Д.С. Лихачев отмечал, что для разных стран свойственно обращение к «своей античности» [15, с. 113], т. е. к своей древности. Причина заключается в появлении историчности сознания, когда «статичность предшествующего мира сменяется динамичностью нового» [15, с. 113].

В канонических текстах Руси возникает архаизация и даже грецизация языка и отдельных его элементов (об этом писали Л.П. Жуковская и А.М. Камчатнов) [7, с. 146; 9, с. 112–113]. Так, долгое время считалось, что эта архаизация языка стала следствием Тырновской

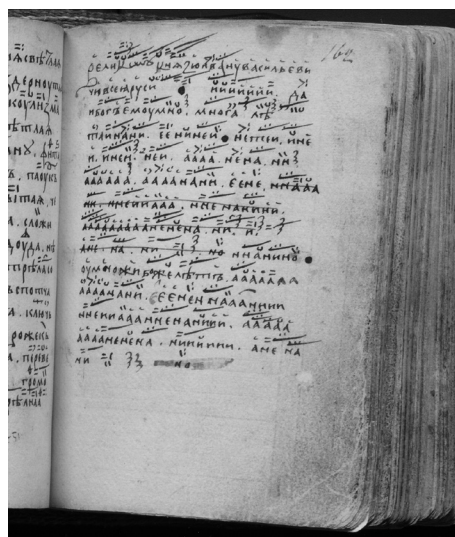
реформы. Л.П. Жуковская доказала, что «новые графические и орфографические приемы письма появились не в конце XIV в., как думал А.И. Соболевский» [27, с. 8], а на столетие позже — в конце XV в.

В музыкальных рукописях конца XV в. находим подтверждение: мы видим отдельные элементы сознательной архаизации в употреблении аненаек⁵ и грецизмов. Здесь сказывается обращение к раннему периоду русской культуры — периоду Киевской Руси, для которого это было характерно. В певческих рукописях конца XV в. есть многолетие Ивану III знаменного распева, с аненайками (*пример 8*), песнопение Великого Пятка «Приидите, ублажим Иосифа» путевого распева (*пример 9*), также с аненайками, наконец, раннее песнопение демественного распева — «Церковь и ручку» — с грецизмами — вставками греческих слов «пан, пан, ану, ану патрос» (*пример 10*). То есть движение к «своей античности» как тенденция Предвозрождения проявляется в певческом искусстве с временным сдвигом — на конец XV в. И далее эти тенденции не исчезнут, но будут продолжены — уже в стиле «второго монументализма».

Стиль, определяемый Лихачевым как стиль «второго монументализма», формируется в русском искусстве в XVI в. [15, с. 127]. В музыкальном певческом искусстве это относится скорее ко второй половине столетия, будучи художественным откликом на развитие идеи «Москва — Третий Рим» [26]. Тогда, во второй половине XVI в. в литературе создаются грандиозные произведения — двенадцатитомные Великие Четы-Минеи митрополита Макария, Степенная книга, огромный Никоновский летописный свод в 10 000 листов и 16 000 миниатюр [15, с. 133–137; 19, с. 147; 21, с. 155–157] — см. *примеры 11, 12, 12а*.

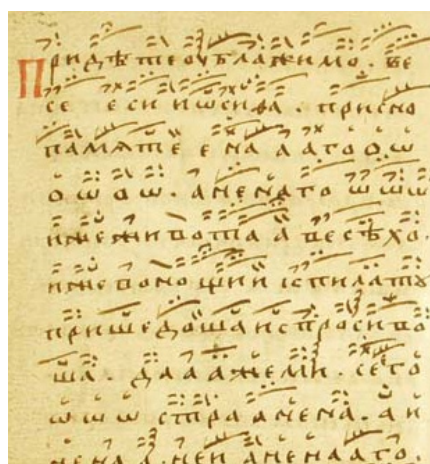
В певческой книжности огромный свод песнопений запечатлен в Стихираре минейном. Впервые во второй половине XVI в. в его состав вошли службы на каждый день месяцеслова — это произошло после Стоглавого собора (1551), который предписывал строго соблюдать церковный календарь. Кроме того, в него включили около

⁵ Аненайки — дополнительные слоги «а-не-на», которые вставлялись в текст песнопения для увеличения его распевности, например, в многолетии царю «Благоверному царю и великому князю имя рек дай бог многа лета-а-не-на-не-на... таино». Аненайки широко применялись в мелизматике кондакарного пения.

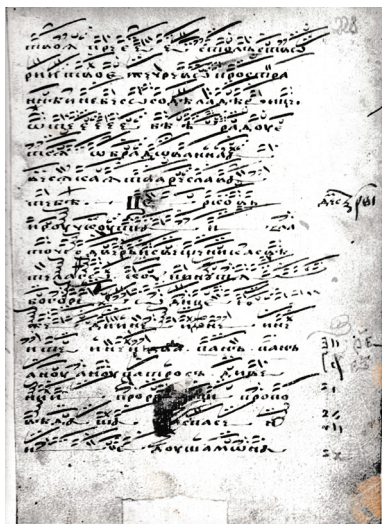
Пример 8 — Многолетие с аненайками Ивану III. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.I. № 408. Л. 162. Последняя четверть XV в.

Example 8 — Many years with anenaikas to Ivan III. RSL, collection Trinity-Sergius Lavra, f. 304.I, no. 408. L. 162. The last quarter of the 15th century

Пример 9 — «Приидите, ублажим Иосифа» путевого распева с аненайками. РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.I. № 409. Л. 321. Вторая половина XV — начало XVI в.

Example 9 — «Come, let us please Joseph» of the putevoy chant with anenaikas. RSL, collection Trinity-Sergius Lavra, f. 304.I, no. 409. L. 321. The second half of the 15th — the early 16th centuries

Пример 10 — Богородичен «Церковь и ручку» демественного распева. ИРЛИ.
Причудское собр., 97. л. 228. Конец XV — начало XVI в.

Example 10 — Theotokos “Church and Handle” of the demestvenny chant. IRL, Prichudskoe collection, 97, l. 228. The end of the 15th — the beginning of the 16th centuries

Пример 11 — Степенная книга. ГИМ.
Чудовское собр., 56/358. 1566–1568 гг.
Example 11 — Degree book. State Historical Museum,
Chudovskoe collection, 56/358. 1566–1568

Пример 12 — Никоновский летописный свод.
РГАДА. Собр. Оболенского. Ф. 201. № 163. XVI в.
Example 12 — Nikon Chronicle.
RSAAA. Obolensky Collection, f. 201, no. 163. 16th century

Пример 12а — Строгановский (Библиотечный) список Никоновской летописи.
РНБ, ОСПК. F. IV. 237. XVII в., 30-е гг.
Example 12a — Stroganov (Library) copy of the Nikon Chronicle.
RNL, OSRC. F. IV. 237. 17th century, 30s

Пример 13 — Стихирарь «Дьячье око».
РНБ. Кирилло-Белозерское собр., 586/843. XVI в., 80-е гг.
Example 13 — Stichirarion "The Dyach's Eye".
RNL, Kirillo-Belozerskoe collection, 586/843. 16th century, 80s.

Пример 13а — Стихирарь «Дьячье око».
РНБ. Кирилло-Белозерское собр., 586/843. XVI в., 80-е гг. Л. 3 об. – 4.
Example 13a — Stichirarion "The Dyach's Eye".
RNL, Kirillo-Belozerskoe collection, 586/843. 16th century, 80s. P. 3 rev. – 4.

60 служб новым русским и славянским святым, канонизированным на Соборах 1547 и 1549 гг. Такой полный Стихирарь получил название «Дьячье око» [25, с. 26; 19, с. 147–148] — см. *примеры 13 и 13а*.

В русле эпохи развивались новые пространные распевы 'путевой, демественный, большой [28, с. 199–222; 2, т. 1, с. 377–386; 10, с. 145–151; 37; 22, с. 186–263, 282–313; 20; 19, с. 149–183, 188–217, 223–230]. Масштабы песнопений этих распевов разрастаются, соответствуя глобальной идее «Москва — Третий Рим», т. е. Москвы как всемирного центра православия.

Формирование *национальных культур* в Европе относят к эпохе Возрождения. Но их элементы возникали уже в пору Предвозрождения, причем в XIV в. обращение к Античности и в Италии, и в Византии воспринималось как обращение к своему национальному прошлому.

На Руси «своей античностью» считали период домонгольский — период Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. Поэтому не случайно в стиле преп. Андрея Рублева заметны мягкость и гармоничность, восходящие именно к традициям владими́ро-суздальской иконописи XII в. Так, известный художник, реставратор древнерусской иконописи И.Э. Грабарь писал: «Мы не сомневаемся, что даже среди икон, кажущихся нам в данный момент суздальскими, уже есть такие, которые вскоре с достаточным основанием будут названы раннемосковскими» [5, с. 65–66; цит. по: 6, с. 321].

В новых пространных распевах конца XV — XVI вв. явственно проступают традиции Киевской Руси (подробнее об этом: [22, с. 184–186]). Так, в демественном распеве возрождаются традиции кондакарного пения [20, с. 179–181, 188–189], в большом распеве развивается знаменная фитная мелизматика, также восходящая к периоду домонгольскому [22, с. 138–143]. Большой распев особенно интересен тем, что в нем наиболее очевидно проявляется *связь с народным искусством*. Подобное взаимопроникновение мирского и духовного начала было характерно в целом для искусства XVI в. [19, с. 148–149]. Вспомним, например, шатровые завершения храмов и колоколен — церковь Вознесения в Коломенском (*пример 14*), храм Василия Блаженного на Красной площади и др. Это наглядно подтверждает проникновение элементов народного деревянного зодчества в профессиональную каменную архитектуру.

Пример 14 — Церковь Вознесения в Коломенском. Начало XVI в.
Example 14 — Church of the Ascension in Kolomenskoye. The beginning of the 16th century

В певческом искусстве проступают характерные интонационные обороты фольклора, например, квинтовые мелодические скачки в поздних фитах знаменного распева (фита светлая 2-го и 6-го гласов) — *пример 15*. Типичные черты русской песенности слышны в знаменных фитах и большом распеве — широкое дыхание, плавность мелодического движения, самобытный ритм, щедрая мелодическая вариантость. Эти качества становятся общими для лирической протяжной песни и большого распева, отличаясь, однако, внутренним наполнением: душевность и сердечность в народной песне и духовность и возвышенность, строгость чувства в богослужебном пении.

Таким образом, тенденции Предвозрождения, в определенной степени аналогичные западноевропейским, сказывались в истории церковно-певческого искусства Руси, но с временным сдвигом.

Ренессанса в европейском понимании, как эпохи утверждения гуманизма, на Руси не было. Но были черты Предвозрождения, был духовный рост культуры, самосознания русского общества, что вы-

а) $\text{н}=\text{г} = \text{---} \downarrow \text{А} \text{ } \text{з} \text{ } =$ *Пятогласная*

б) $\text{х}=\text{л} \text{ } \text{А} \text{ } \text{з} \text{ } \text{н}=\text{т}$ *Светлая 2, 4, 6 гл.*

Пример 15 — Поздние фиты знаменного распева
Example 15 — Late fits of the znamenny chant

лилось в рождение Святой Руси. Русское Предвозрождение, фактически преемственное с Византией, более всего было подобно Палеологовскому Ренессансу, а исторически оно осуществило необходимый переход от Средневековья к Новому времени. В сравнении с европейским Возрождением, русское Предвозрождение отличалось большим своеобразием. Повторяя некоторые черты европейского Предвозрождения, русское Предвозрождение создало прочный духовный фундамент для дальнейшего развития русского искусства, которое даже в период своего «золотого века» зиждилось на этом основании, отличном именно своей глубокой духовной сущностью. Это в полной мере относится и к музыкальному искусству XIX–XX и XXI вв., в чем проявляется огромное значение Предвозрождения XIV–XVI вв. для отечественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Вздорнов Г.И.* Фрески Феофанам Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. К 600-летию существования фресок. 1378–1978. М.: Искусство, 1976. 290 с.
- 2 *Гарднер И.* Богослужбное пение русской православной церкви. Сущность, система и история. Нью-Йорк: Изд. при содействии Рус. православ. богослов. фонда в Нью-Йорке. Jordanville (N.Y.): Holy Trinity russ. orthodox monastery, 1978–1982. Т. 1 (1978). 498 с. Т. 2 (1982). 604 с.
- 3 *Герцман Е.В.* Византийское музыкознание. Л.: Музыка, 1988. 254 с.

- 4 Голейзовский Н.К. Исихазм и русская живопись XIV–XV вв. // Византийский временник. 1969. Т. 29. С. 196–210.
- 5 Грабарь И.Э. Андрей Рублёв // Вопросы реставрации: Сборник Центр. гос. реставрационных мастерских. М.: Центр. гос. реставрационные мастерские, 1926–1928. Т. I (1926). С. 7–112.
- 6 Демина Н.А. Черты героической действительности XIV–XV веков в образах людей Андрея Рублёва и художников его круга // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. XII. С. 311–324.
- 7 Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). Избранные работы. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2020. С. 371–414.
- 8 Калиганов И.И. Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. 800 с.
- 9 Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI — первая половина XIX века. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 688 с.
- 10 Келдыш Ю.В. Древняя Русь XI–XVII века // История русской музыки: в 10 т. / [редкол.: Ю.В. Келдыш, О.Е. Левашева, А.И. Кандинский]. М.: Музыка, 1983. Т. 1. 384 с.
- 11 Кириллин В.М. Исихазм и русская литература конца XIV — начала XV в. // Кириллин В.М. В поисках смысла: опыт интерпретации памятников древнерусской литературы / Институт мировой литературы РАН. М.: Издат. дом ЯСК, 2022. С. 123–134. (Studia philologica)
- 12 Левашев Е.М., Серегина Н.С. Музыкальное искусство Древней Руси. Очерки истории, эстетики, космологии / послесл. Н.И. Тетериной. СПб.: Издат. дом «Петрополис», 2022. 378 с.
- 13 Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 3–56.
- 14 Лихачев Д.С. Предвозрождение на Руси в конце XIV — начале XV века // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М.: Наука, 1967. С. 136–182.
- 15 Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
- 16 Мейендорф И., *протопр.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. Т. XXIX. С. 291–305.

⁶ Впервые опубликовано: Жуковская Л.П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 144–176.

- 17 *Металлов В.М.* Русская семиография. Из области церковно-певческой археологии и палеографии. М.: Имп. Московский археологический ин-т, 1912. 114 с.
- 18 *Пиккио Р.* Русский гуманизм: филологическое возрождение // *Slavia Orthodoxa: Литература и язык.* М.: Знак, 2003. С. 181–200.
- 19 *Пожидаева Г.А.* Духовная музыка славянского Средневековья. М.: Композитор; СПб.: Нестор — История, 2017. 472 с.
- 20 *Пожидаева Г.А.* Лексикология демественного пения. М.: Знак, 2010. 784 с.
- 21 *Пожидаева Г.А.* Новые пространные распевы в контексте истории и культуры второй половины XVI в. // *Вопросы музыкознания: Теория. История. Методика: сборник научных статей.* М.: ООО Изд-во «Согласие», 2017. Вып. 10. С. 150–162.
- 22 *Пожидаева Г.А.* Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007. 880 с.
- 23 *Пожидаева Г.А.* Период «второго южнославянского влияния» в церковно-певческом искусстве Древней Руси // *Вестник славянских культур.* 2017. Т. 45. С. 190–204.
- 24 *Прохоров Г.М.* Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // *ТОДРЛ.* Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 34. С. 3–17.
- 25 *Рамазанова Н.В.* Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 468 с.
- 26 *Синицына Н.В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- 27 *Соболевский А.И.* Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV веках. СПб.: Тип. М. Меркушева, бывш. Н. Лебедева, 1894. 30 с.
- 28 *Успенский Н.Д.* Древнерусское певческое искусство. 2-е изд., доп. М.: Сов. композитор, 1971. 624 с.
- 29 *Успенский Н.Д.* Чин всенощного бдения (η αὐριπνία) на Православном Востоке и в Русской Церкви. М.: Издат. совет Русской Православной Церкви. 2004. 480 с.

Источники

- 30 *Александру М.* Калофоническое пение // *Православная энциклопедия.* М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. Т. 29: К – Каменац. С. 578–582.
- 31 *Власов В.Г.* Палеологовский ренессанс, палеологовское возрождение // *Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т.* СПб.: Азбука-Классика, 2004–2010. Т. VII (2007). С. 61–65.
- 32 *Желтов Михаил, священник.* Правдолюбов Сергей, протоиерей // *Богослужение русской церкви X–XX веков.* URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Zheltovtov/bogosluzhenie-russkoj-tserkvi-10-20-vv/ (дата обращения: 12.08.2023).
- 33 «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым

- в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид» / Памятники древней письменности и искусства. СПб.: Тип. В. Балашева, 1885. Т. 58. 225 с.
- 34 Металлов В.М. Азбука крюкового пения: Опыт систематического руководства к чтению крюковой семиографии песнопений знаменного распева периода киноварных помет. М.: Синод. тип., 1899. 130 с.
- 35 Старикова И.В., Никитин С.И. Иоанн Кукузель // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 24. С. 384–396.
- 36 Старикова И.В. Ксен Коронис // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2020. Т. 39. С. 181–182.
- 37 Федор Крестьянин. Стихиры. Публикация, расшифровка, исследование и комментарии М.В. Бражникова // Памятники русского музыкального искусства. М.: Музыка, 1974. Вып. 3. 248 с.
- 38 Яннопулос Э., Э.П.М. Иоанн Глика // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 24. С. 23–27.
- 39 Troelsgård C. Byzantine Neumes. A New Introduction to the Middle Byzantine Musical Notation by Christian Troelsgård // MMB. Subsidia vol. IX. Copenhagen, 2011. 142 p.

Рукописи

- РГБ. Собрание Д.В. Разумовского. Ф. 379. № 4. Последняя четверть XVII в.
- РГБ. Собрание Д.В. Разумовского. Ф. 379. № 18. Последняя четверть XVII в.
- РГБ. Собрание Д.В. Разумовского. Ф. 379. № 19. Последняя четверть XVII в.
- РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/I. № 408. Последняя четверть XV в.
- РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.I. № 409. Вторая половина XV — начало XVI вв.
- РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.III. № 21 (М. 8663). Около 1592 г.
- РНБ, ОСПК. Ф. IV. 237. Строгановский (Библиотечный) список Никоновской летописи. XVII в., 30-е гг.
- РНБ. Кирилло-Белозерское собрание, 586/843. 80-е гг. XVI в. Стихирарь «Дьячье око».
- ГИМ. Синодальное певческое собрание, 195. Конец XVII в.
- ГИМ. Чудовское собрание, № 56/358. 1566–1568 гг. «Степенная книга».
- РГАДА. Собрание М.А. Оболенского. Ф. 201. № 163. Никоновский летописный свод. XVI в.
- ИРЛИ. Причудское собрание. № 97. Конец XV — начало XVI в.

REFERENCES

- 1 Vzdornov, G.I. *Freski Feofanam Greka v tserkvi Spasa Preobrazheniia v Novgorode. K 600-letiiu sushchestvovaniia fresok. 1378–1978* [Frescoes by Theophanes the Greek in the Church of the Transfiguration of the Savior in Novgorod. To the 600th Anniversary of the Existence of Frescoes. 1378–1978]. Moscow, Iskusstvo

- Publ., 1976. 290 p. (In Russian)
- 2 Gardner, I. *Bogosluzhebnoe penie russkoi pravoslavnoi tserkvi. Sushchnost', sistema i istoriia. N'iu-Iork: Izd. pri sodeistvii Rus. pravoslav. bogoslov. fonda v N'iu-Iorke* [Liturgical Singing of the Russian Orthodox Church. Essence, System and History]. New York, Izdanie Svyato-Troickogo monastyrya Publ., Jordanville, vol. 1. 1978. 498 p., vol. 2. 1982. 604 p. 2nd ed. Moscow, Pravoslavnyi Svyato-Tihonovskii Bogoslovskii institute, 2004. (In Russian)
 - 3 Gertsman, E.V. *Vizantiiskoe muzykoznanie* [Byzantine Musicology]. Leningrad, Muzyka Publ., 1988. 254 p. (In Russian)
 - 4 Goleizovskii, N.K. "Isikhazm i russkaia zhivopis' XIV–XV vv." [Hesychasm and Russian Painting of the 14th–15th Centuries"]. *Vizantiiskii vremennik*, vol. 29, 1969, pp. 196–210. (In Russian)
 - 5 Grabar', I.E. "Andrei Rublev" ["Andrey Rublev"]. *Voprosy restavratsii: Sbornik Tsentral'nogo gos. restavratsionnykh masterskikh* [Restoration Issues: Collection Central State Restoration Workshops], vol. I. Moscow, Tsentral'nye gosudarstvennye restavratsionnye masterskie, 1926, pp. 7–112. (In Russian)
 - 6 Demina, N.A. "Cherty geroicheskoi deistvitel'nosti XIV–XV vekov v obrazakh liudei Andreia Rubleva i khudozhnikov ego kruga" ["Features of the Heroic Reality of the 14th–15th Centuries in the Images of People of Andrey Rublev and Artists of His Circle"]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. XII. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences Publ., 1956, pp. 311–324. (In Russian)
 - 7 Zhukovskaia, L.P. "Gretsizatsiia i arkhazitsiia russkogo pis'ma 2-i pol. XV — 1-i pol. XVI v. (Ob oshibochnosti poniatii 'vtoroe iuzhnoslavianskoe vliianie')" ["Greekization and archaization of Russian writing, 2nd half of the 15th — the 1st half of the 16th Century (On the Fallacy of the Concept of the 'second South Slavic influence')"]. Zhukovskaya L.P. *Razvitie slaviano-russkoi paleografii (v dorevoliutsionnoi Rossii i v SSSR). Izbrannye raboty* [Development of Slavic-Russian Paleography (in Pre-revolutionary Russia and in USSR). Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., Vinogradov Institute of the Russian Language RAS Publ., 2020, pp. 371–414. (In Russian)
 - 8 Kaliganov, I.I. *Georgii Novyi u vostochnykh slavian* [George the New among the Eastern Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 800 p. (In Russian)
 - 9 Kamchatnov, A.M. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka. XI — pervaiia polovina XIX veka* [History of the Russian Literary Language. 11th — the First Half of the 19th Century]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia, 2005. 688 p. (In Russian)
 - 10 Keldysh, Iu.V. "Drevniaia Rus' XI–XVII veka" ["Old Rus' of the 11th–17th Centuries"]. *Istoriia russkoi muzyki: v 10 t.* [History of Russian Music: in 10 vols.], vol. 1. Moscow, Muzyka Publ., 1983. 384 p. (In Russian)
 - 11 Kirillin, V.M. "Isikhazm i russkaia literatura kontsa XIV — nachala XV v." ["Hesychasm and Russian Literature of the End of the 14th — the Beginning of the 15th Century"]. Kirillin, V.M. *V poiskakh smysla: opyt interpretatsii pamiatnikov drevnerusskoi literatury* [In Search of Meaning: Experience in Interpreting

- Monuments of Old Russian Literature*]. A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2022, pp. 123–134. (*Studia philologica*) (In Russian)
- 12 Levashev, E.M., and N.S. Seregina. *Muzykal'noe iskusstvo Drevnei Rusi. Ocherki istorii, estetiki, kosmologii* [*Musical Art of Old Rus'. Essays on History, Aesthetics, Cosmology*], afterw. by N.I. Teterina. St. Petersburg, Izdatel'skii dom "Petropolis" Publ., 2022. 378 p. (In Russian)
- 13 Likhachev, D.S. "Nekotorye zadachi izucheniia vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia v Rossii" ["Some Tasks of Studying the Second South Slavic Influence in Russia"]. Likhachev, D.S. *Issledovaniia po drevnerusskoi literature* [*Studies in Old Russian Literature*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 3–56. (In Russian)
- 14 Likhachev, D.S. "Predvozhdenie na Rusi v kontse XIV — nachale XV veka" ["Pre-Renaissance in Rus' at the End of the 14th — the Beginning of the 15th Century"]. *Literatura epokhi Vozrozhdeniia i problemy vseмирnoi literatury* [*Renaissance Literature and Problems of World Literature*]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 136–182. (In Russian)
- 15 Likhachev, D.S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [*The Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries. Epochs and Styles.*]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 254 p. (In Russian)
- 16 Meiendorf, I., protopr. "O vizantiiskom isikhazme i ego roli v kul'turnom i istoricheskom razvitiі Vostochnoi Evropy v XIV v." ["On Byzantine Hesychasm and Its Role in the Cultural and Historical Development of Eastern Europe in the 14th Century"]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. XXIX. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie, 1974, pp. 291–305. (In Russian)
- 17 Metallov, V.M. *Russkaia semiografiia. Iz oblasti tserkovno-pevcheskoi arkhologii i paleografii* [*Russian Semiography. From the Field of Church Singing Archeology and Paleography*]. Moscow, Imp. Moskovskii arkhologicheskii institut [Imp. Moscow Archaeological Institute], 1912. 114 p. (In Russian)
- 18 Pikkio, R. "Russkii gumanizm: filologicheskoe vozrozhdenie" ["Russian Humanism: Philological Revival"]. *Slavia Orthodoxa: Literature and language*. Moscow, Znak Publ., 2003, pp. 181–200. (In Russian)
- 19 Pozhidaeva, G.A. *Dukhovnaia muzyka slavianskogo Srednevekov'ia* [*Sacred Music of the Slavic Middle Ages*]. Moscow, Kompozitor Publ.; St. Petersburg, Nestor — Istoriiia Publ. 2017. 472 p. (In Russian).
- 20 Pozhidaeva, G.A. *Leksikologiia demestvennogo peniia* [*Lexicology of Demestvenny Chant*]. Moscow, Znak Publ., 2010. 784 p. (In Russian)
- 21 Pozhidaeva, G.A. "Novye prostrannye raspevy v kontekste istorii i kul'tury vtoroi poloviny XVI v." ["New Lengthy Chants in the Context of History and Culture of the Second Half of the 16th Century"]. *Voprosy muzykoznaviia: Teoriia. Istoriiia. Metodika: sbornik nauchnykh statei* [*Questions of Musicology: Theory. Story. Methodology: Collection of Scientific Articles*], iss. 10. Moscow, OOO Izdatel'stvo "Soglasie" Publ., 2017, pp. 150–162. (In Russian)
- 22 Pozhidaeva, G.A. *Pevcheskie traditsii Drevnei Rusi. Ocherki teorii i stilii*. [Singing

- Traditions of Old Russia. Essays on Theory and Style*]. Moscow, Znak Publ., 2007. 880 p. (In Russian)
- 23 Pozhidaeva, G.A. "Period 'vtorogo iuzhnoslavianskogo vliianiia' v tserkovno-pevcheskom iskusstve Drevnei Rusi" ["Period of the 'Second South Slavic Influence' in the Church Singing Art of Old Rus"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 45, September, 2017, pp. 190–204. (In Russian)
- 24 Prokhorov, G.M. "Kul'turnoe svoeobrazie epokhi Kulikovskoi bitvy" ["Cultural Originality of the Era of Battle of Kulikovo"]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. 34. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 3–17. (In Russian)
- 25 Ramazanova, N.V. *Moskovskoe tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vekov* [Moscow Kingdom in the Church Singing Art of the 16th–17th Centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. 468 p. (In Russian)
- 26 Sinitsyna, N.V. *Tretii Rim: Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome: Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (15th–16th Centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 1998. 416 p. (In Russian)
- 27 Sobolevskii, A.I. *Iuzhnoslavianskoe vlianie na russkuiu pis'mennost' v XIV–XV vekakh* [South Slavic Influence on Russian Writing in the 14th–15th Centuries]. St. Petersburg, tip. M. Merkusheva, by'vsh. N. Lebedeva Publ., 1894. 30 p. (In Russian)
- 28 Uspenskii, N.D. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo* [Old Russian Singing Art]. 2nd ed., suppl. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1971. 624 p. (In Russian)
- 29 Uspenskii, N.D. *Chin vsenoshchnogo bdeniia (η αγρυπνία) na Pravoslavnom Vostoke i v Russkoi Tserkvi* [The Rite of the All-Night Vigil (η αγρυπνία) in the Orthodox East and in the Russian Church]. Moscow, Izdatel'skii sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi Publ., 2004. 480 p. (In Russian)

Информация об авторе: Галина Андреевна Пожидаева — доктор искусствоведения, профессор, Высшее театральное училище (институт) им. М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России, ул. Неглинная, д. 6/2, стр. 1–2, 109012 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: schepkinskoe@theatre.ru

Information about the author: Galina A. Pozhidaeva, DSc in Arts, Professor, Higher Theatre School (Institute) named after M.S. Shchepkin at the State Academic Maly Theatre of Russia, Neglinnaya St., 6/2, bld. 1–2, 109012 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0572-4887>

E-mail: schepkinskoe@theatre.ru

Для цитирования: Пожидаева Г.А. Черты Предвозрождения в церковно-певческом искусстве Руси XIV–XVI вв. // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 569–598. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-569-598>

© 2024, Г.А. Пожидаева

For citation: Pozhidaeva, G.A. “Features of the Pre-Renaissance in the Church Singing Art of Old Russia of the 14th–16th Centuries.” *Germevenvtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 569–598. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-569-598>

© 2024, Galina A. Pozhidaeva